

Он взял рабочую тетрадь Цзи Юна, быстро-быстро ответил на один из вопросов, пододвинул тетрадь обратно и достал из школьного портфеля заблаговременно подготовленный конспект урока:

— Я просмотрел мамину тетрадь с планами уроков и во всем разобрался. Показываю вам.

Учителей в Средней школе «Красная Звезда» было немного. Ли Шулань преподавала математику в первом и втором классах средней школы. Она относилась к своим обязанностям серьезно и ответственно, исписав целых несколько тетрадей с конспектами, и Цзи Юань специально принес одну из них, чтобы они могли повторить материал.

Однако он все равно потратил силы впустую: если бы эта шайка непутевых сорванцов действительно хотела учиться, стали бы они списывать здесь? Никому не было интересно заглядывать в принесенный им конспект, а Цзи Юн и вовсе бесстыдно сунул свою тетрадь Цзи Юаню:

— Раз Юань-юань умеет решать, так напиши за меня!

Он не мог понять, правильно ли пишет Цзи Юань, но формулы выглядели на редкость аккуратно и получались намного лучше, чем у него самого.

Цзи Юань так разозлился, что у него даже щеки надулись, а Цзи Юн еще и ущипнул его за щеку:

— Не сердись, умница, дома я куплю тебе конфет.

— Не нужно мне! Пиши сам!

Сун Цзинин взял тетрадь Цзи Юна, заглянул в нее и удивился:

— Ого, правильно! Надо же, а ты, Юань-юань, оказывается, очень даже силен!

Цзи Юань указал на конспект:

— Мамины объяснения применения формул написаны очень понятно, стоит только посмотреть, и сразу все схватываешь.

Сун Цзинин усмехнулся и швырнул тетрадь обратно Цзи Юну:

— А я делать уроки не буду.

Пока они разговаривали, приоткрытая входная дверь отворилась, и вернулась его мама Хуан Янь.

Еще до того как войти, она услышала голоса подростков и поняла, что в гости пришли друзья сына. Едва переступив порог, она с улыбкой поздоровалась, и Цзи Юн с остальными наперебой поприветствовали ее. Хуан Янь по привычке с улыбкой спросила:

— Опять одолжили книжки с картинками?..

Она думала, что они снова взяли в книжном магазине «Речные заводы» почитать, но, приглядевшись, с удивлением заметила, что на столе лежат учебники!

Они что, делают уроки?!

Хуан Янь была одновременно удивлена и обрадована, ее лицо озарила сдерживаемая улыбка:

— Это... это вы уроки делаете? Как хорошо, правильно, так и надо! Сидите, а тетя принесет вам лепешек поесть!

Сун Цзинин провожал взглядом Хуан Янь, наблюдая, как она, переполненная радостью, которую уже не могла скрыть, весело направилась на кухню. Повернув голову обратно, он неожиданно встретился взглядом с Цзи Юанем.

— Моя мама... так обрадовалась?

Цзи Юань кивнул:

— Малыш Сун-гэ, неужели ты никогда дома не читал и не делал уроки?

Само собой.

В начальной школе Сун Цзинин воспитывался на идеях хунвэйбинов, а когда он уже собрался выходить на работу, организацию хунвэйбинов распустили, и его снова посадили за парту обычным учеником. Время тогда тоже было смутное, учителя не слишком осмеливались контролировать учеников, да и обучение шло по принципу пустить все на самотек. Привыкнув к такой вольнице, попав в среднюю школу, он — не говоря уже о чтении и выполнении уроков — сидел в классе только ради приличия перед учителем. В конце концов, таких учеников, как он, учителя боялись трогать да и не особо стремились с ними возиться.

Остальные товарищи были чуть лучше: в конце концов, дома у них имелись отцы, и за непослушание можно было схлопотать ремня, так что они все-таки кое-как заглядывали в книги дома и прекрасно понимали радость Хуан Янь.

— Когда я делаю уроки дома, не то что мама, даже папа старается говорить тише.

— Каждый раз, когда я читаю дома, мама специально оставляет мне несколько больших кусков жирного мяса, поэтому, когда мне хочется мяса, я сажусь за книги, хе-хе!

Цзи Юн изумился:

— Малыш Сун, ты дома вообще не читаешь? Неудивительно, что твоя мама так рада! Когда я изредка берусь за уроки, моя мама садится рядом и следит за мной!

В эту эпоху родители, готовые позволить ребенку учиться до средней школы, в той или иной степени возлагали на детей надежды, пусть даже и прекрасно понимали, что учиться те совершенно не стремятся.

Сун Цзинин немного помолчал и наконец раскрыл собственный учебник. Он никогда не слушал учителей внимательно, поэтому, естественно, почти ничего не знал, а потому взял просмотреть конспект Цзи Юаня.

Конспект Ли Шулань был составлен специально для уроков, решение и применение формул расписано очень подробно. У Сун Цзинина от природы была светлая голова, и, сталкиваясь с тем, чего не понимал, он заглядывал в записи и неожиданно быстро во всем разбирался. Скорость, с которой он справлялся с заданиями, по мере перелистывания страниц становилась все выше и выше.

Остальные смотрели на него с изумлением: неужели этот конспект и вправду обладает такой волшебной силой?

— Дай сюда, дай сюда, я тоже посмотрю.

— И мне покажи, я эту задачку не осилю.

Ребята принялись наперебой отнимать друг у друга конспект. Сун Цзинин бросил им: «Только не порвите», — и снова углубился в вычисления.

Математические задачи, которые прежде казались ему совершенно непостижимыми, теперь вдруг стали кристально ясными. Он снова не удержался и заглянул в конспект. Наверное, все это учительница уже объясняла на уроке, просто он никогда не слушал ее в оба уха.

Цзи Юань с улыбкой посмотрел, как они делят конспект, соскользнул со стула и вышел на кухню.

У кухонной плиты Хуан Янь подкладывала дрова. Рядом с очагом стояла тарелка с уже

напеченными лепешками и миска с тестом. Поскольку гостей-детей сегодня собралось слишком много, ей придется испечь побольше.

Цзи Юань подошел помочь:

— Тетя, давайте я!

Хуан Янь поспешно остановила его:

— Не нужно, не нужно, иди поиграй с ребятами, малыш, тетя сейчас все быстро закончит.

Цзи Юань улыбнулся:

— Малыш Сун-гэ делает уроки, тетя, идите посмотрите за ним, а то они опять начнут баловаться.

Хуан Янь тут же повернула голову к выходу из кухни: очевидно, ей хотелось пойти взглянуть, но в то же время она беспокоилась за печь. Цзи Юань легонько подтолкнул ее к двери:

— Не переживайте, тетя, я умею печь лепешки.

Хуан Янь не стала отказываться и лишь произнесла:

— Т-тогда ладно, извини за хлопоты, малыш, если что — зови тетю, с огнем осторожнее.

— Знаю!

В прошлой жизни Цзи Юань неплохо умел готовить. Хотя к кирпичной печи он еще не привык, к счастью, требовалось всего лишь испечь обычные лепешки, никаких особых навыков не нужно было. Он вылил тесто на сковороду, наблюдая, как лепешка схватывается, а на его губах играла сдерживаемая улыбка.

Ему казалось, будто он собственными глазами видит, как мало-помалу формируется тот самый прекрасный учитель.

Глава 22. Награда за учебу

Хуан Янь была малограмотной, даже иероглифы знала не все, и то, что писал сын, ей было абсолютно непонятно.

Но это вовсе не мешало ей любоваться им.

Она притащила табурет, села рядом с Сун Цзининым и уставилась на него преданным, всепрощающим и умиротворенным взглядом.

Сун Цзинин всем телом окоченел. Он выпрямил спину и, уткнувшись носом в тетрадь, принялся писать с еще большим усердием.

Остальные товарищи тоже больше не смели шуметь. Уроки, к которым они изначально относились как к досадной повинности, теперь, в присутствии родительницы, им приходилось выполнять на совесть. Если же они сталкивались с трудными местами, то брали конспект Цзи Юаня и сверялись с ходом решения.

Умом Сун Цзинина они не обладали, соображали хуже, но, заглядывая в конспект, все-таки улавливали суть процентов на семьдесят и кое-как, наполовину разобравшись, наполовину угадав, закончили математику.

В унынии пребывал только Цзи Юн.

Этот не в меру пристрастный к чужим детям Юань-юань думал только об учительской пользе и принес конспект для второго класса, а Цзи Юн учился в первом и ничего в нем не понимал. При взрослых ему было стыдно звать Цзи Юаня на помощь, поэтому оставалось лишь усердно корпеть над заданиями, совершенно не заботясь о том, правильные ли получают ответы.

Цзи Юань испек лепешки и вынес их на стол, и Цзи У с остальными малышами тут же с радостью накинулись на еду. Лепешки были самыми обычными: мука, разведенная водой, с добавлением щепотки зеленого лука, но в глазах ребят они выглядели настоящим лакомством. Цзи Юн и другие тоже проголодались, побросали ручки и принялись за еду.

И только Сун Цзинин, под столь пристальным материнским взглядом чувствовавший себя так, словно оторвать руку от бумаги было тягчайшим грехом, продолжал ожесточенно писать.

Цзи Юань бросил на него взгляд и ничуть не пожаловался. Если бы малыш Сун-гэ не вел себя обычно столь буйно, тетя не стала бы радоваться одной лишь попытке сделать уроки.

Убедившись, что все дети разобрали лепешки, Хуан Янь пододвинула тарелку Сун Цзинину:

— Цзинин, не спеши, перекуси немного, наешься, а потом допишешь!

В ее голосе звучала невиданная доселе мягкость.

Сун Цзинин взглянул на нее, взял лепешку и принялся есть, продолжая писать. От этого

взгляд Хуан Янь стал еще нежнее.

Под строгим надзором Хуан Янь даже Цзи У и прочие мальчишки не смели больше отвлекаться и послушно доделывали уроки. Цзи Юань просидел еще полчаса, а когда они закончили с конспектом, забрал его домой. Перед уходом он пообещал помочь раздобыть конспект по китайскому языку, и все дружно закричали, что будут ждать его завтра с нетерпением.

Эти непутевые хунвэйбины, промышлявшие баловством столько лет, впервые собрались вместе не ради шалостей, а для того, чтобы прилежно выполнить все заданные на дом уроки. Обнаружив, что управились с заданиями гораздо быстрее и легче, чем обычно, они испытали смутное чувство гордости, смешанное с непонятным трепетом.

И хотя домашней работы задавали немало, делать ее оказалось не так уж и трудно, особенно весело было решать всё вместе.

Почему же раньше им это в голову не приходило?

Проводив товарищей, Сун Цзинин обернулся к сиявшей от счастья Хуан Янь:

— Мама, ты же никогда не говорила, что тебе нравится смотреть, как я учусь!

Пусть он и рос сорванцом, к матери относился очень почтительно. Например, Хуан Янь запрещала ему драться на улице, и при ней он никогда не затевал драк. Скажи она ему раньше, что любит смотреть на его учебу — неважно, нравилось ли ему самому, — он бы вполне смог писать уроки дома у нее на глазах.

В конце концов, это его мама, и ради ее улыбки он был готов потратить час-другой.

Хуан Янь лишь улыбнулась в ответ и направилась на кухню готовить ужин. Сун Цзинин последовал за ней, помогать, сжав губы и изображая недовольство. Хуан Янь бросила на него взгляд и снова улыбнулась.

— Чего ты улыбаешься?

— Когда я была маленькой, девочек обычно в школу не отправляли, — Хуан Янь опустила голову, очищая овощи, и заговорила неторопливо: — Тогда семья жила очень бедно, но отец все равно настаивал, чтобы я училась. Только я была слишком глупой, как ни старалась, ничего не понимала. Чем больше надежд возлагали на меня дома, тем сильнее я боялась, тем хуже училась, и в конце концов перестала даже узнавать знакомые иероглифы. Пришлось бросить школу.

Заметив, что Сун Цзинин замер с ножом в руках и внимательно слушает ее, она с улыбкой подняла руку и похлопала его по плечу:

— Так как же я могу требовать чего-то от тебя? Неважно, хорошими будут твои оценки или нет, главное — видеть, что ты каждый день весел и доволен, и мама уже счастлива.

— ...Это она боится, что у меня ума палата не доходит... — пробормотал Сун Цзинин.

Но надо признать: будь его мама из тех родительниц, которые помешаны на оценках и принуждают детей к зубрежке, он бы, пожалуй, испытывал колоссальное давление и отвечал лютым протестом.

Сам он не считал себя дураком, но и к учебе призвания не чувствовал. Он не умел усидеть на месте и не воспринимал слова учителей всерьез. В те дни, когда он состоял в хунвэйбинах, командиры внушали им, что учителя — это враги, которых нужно сокрушить. И вдруг — в один миг — его командиров повергли, а эти самые «враги» стали им указывать. То, что было написано в учебниках, он практически не понимал, учителя его не любили, так что он решил, будто учеба — вовсе не его стезя, и быстро бросил попытки.

Однако стоило ему сегодня разок попытаться заняться делом всерьез, как выяснилось, что это на удивление легко. Он не знал, каков его реальный уровень, но во всяком случае справлялся гораздо лучше остальных мальчишек: материал из конспекта доходил до него с первого раза, и трудным он ему не казался.

На следующий день Цзи Юань раздобыл конспект по китайскому языку для второго класса.

Его помогла достать Ли Шулань. Узнав, что Сун Цзинин и остальные решили взяться за ум, она горячо их поддержала. Несмотря на то что другие преподаватели относились к затее скептически, она настояла на том, чтобы одолжить тетрадь.

Сун Цзинин наконец окончательно убедился, что к учебе у него действительно есть способности.

Материал из конспекта был ему понятен после первого же внимательного чтения, чего нельзя было сказать о товарищах — те лишь жалобно стонали, что все слишком сложно и они ничего не понимают. Юношеское тщеславие Сун Цзинина было тайком удовлетворено, однако из благородства он все же взялся объяснять друзьям. Раз уж всем предстояло справляться с домашкой, надо было делать это сообща.

По правде говоря, приятелям куда больше хотелось просто списать, но под неусыпным надзором Хуан Янь, которой доставляло колоссальное удовольствие наблюдать, как Сун Цзинин учит остальных, об этом нечего было и думать.

И Сун Цзинин перестал давать им списывать.

Когда другие родители слышали от Хуан Янь о том, что мальчишки занимаются у нее дома,

они поначалу не поверили: кто же не знал, чем эта шайка промышляет целыми днями! Но любопытство взяло верх, они заглянули на огонек и были поражены до глубины души.

Эти сорванцы и впрямь учились!

Изначально шалопаи планировали вовсе списывать, но из-за того, что взрослые теперь ежедневно заглядывали к ним проверить диковинку, непутевым детям приходилось стиснув зубы корпеть над уроками. Посидев так день-другой, они привыкли и к своему удивлению обнаружили, что домашняя работа вовсе не так уж сложна.

Да и отношение семей к ним совершило крутой поворот на сто восемьдесят градусов.

Взять хотя бы Цзи Юна:

— Пап, чего ты тут крутишься, из-за тебя я отвлекаюсь и учусь хуже. Иди отсюда!

Раньше Цзи Юн ни за что не посмел бы так разговаривать с отцом — схлопотал бы затрещину без долгих разговоров.

Теперь же его папа не только не рассердился, но еще и радостно закивал:

— Хорошо-хорошо, я ухажу. Сынок, чего бы тебе хотелось на ужин? Я попрошу маму сготовить.

— Хочу два, нет, три жареных яйца! — во весь голос заявил Цзи Юн.

— Будет сделано, три яичницы! Пиши спокойно, не спеши, как закончишь — возвращайся домой.

Раньше разве выпадала возможность перебирать харчами за едой? За любую придирчивость к пище можно было тут же схлопотать пощечину. Цзи Юн сполна прочувствовал всю прелесть привилегий прилежного ученика.

Остальные товарищи испытали то же самое. Стоило им всего лишь несколько дней подряд добросовестно делать уроки, как отношение школьных учителей тут же переменялось. Теперь они даже ласково приговаривали, что при любых затруднениях те могут смело подходить с вопросами. А ведь раньше чаще всего им бросали в спину: «Не создавайте школе (мне) проблем».

А дома царила совершенно иная атмосфера. Прежде, если они возвращались после целого дня уличбеготни смертельно уставшими, их ждал только нагоняй. Теперь же, стоило им посидеть за уроками всего час, домашние пугались, как бы те не перетрудились, освобождали от любой работы по хозяйству да еще и баловали мясом к обеду.

Подростки вряд ли до конца понимали родительские ожидания, но уже отчетливо ощутили разницу в обращении с теми, кто «учится», и теми, кто «бьет баклуши».

Воспользовавшись тем, что Хуан Янь отлучилась, Цзи Юн тихонько спросил:

— Эй, мы что, так и не будем списывать?

До экзаменов оставалось пять дней, и если не списать сейчас, то потом уже не успеешь.

Сун Цзинин вздохнул и покачал головой:

— Ладно уж, сколько напишем — столько напишем! Раз дома к нам так относятся, совесть не позволит их обманывать.

Сидевший рядом Цзи Юань сжав губы тихонько усмехнулся.

Благодаря тому, что он помог раздобыть конспекты, да еще и выручал всех с разбором заданий, эта компания подростков очень быстро приняла его в свой круг. Они больше не воспринимали его как неразумного малыша и даже не стали скрывать от него свои планы со списыванием. А раз теперь списывать они раздумали, то и подавно не было нужды что-то утаивать.

Промежуточные экзамены в Средней школе «Красная Звезда» настали в срок, и два дня спустя огласили результаты. Успехи Сун Цзинина и его друзей поразили воображение.

На самом деле их оценки не так уж сильно выросли — всё-таки они занимались всего полмесяца. Беда была в том, что многие ученики, рассчитывая на то, что эти двое потянут за собой весь хвост и можно не переживать за баллы, расслабились и забросили учебу. В итоге Сун Цзинин, который должен был продвигаться самую малость, разом взлетел с тридцатых мест в хвосте на девятнадцатое по классу, а остальные товарищи тоже поднялись примерно на десяток позиций.

А результаты Цзи Юна и вовсе оказались ошеломляющими. Его одноклассники еще никогда не участвовали в подобных срезах знаний, не понимали всей важности происходящего и тем более не знали, что будут родительские собрания, принимая эти экзамены за самую обычную контрольную. В итоге поднатужившийся Цзи Юн совершенно неожиданно выбил четырнадцатое место по всему классу!

Во всем клане Цзи поднялся невероятный переполох.

Пусть четырнадцатое место и не казалось чем-то выдающимся по сравнению с результатами других детей, для самого Цзи Юна это был лучший балл за всю его жизнь!

Как старший внук и первенец, Цзи Юн изначально нес на своих плечах немалый груз ожиданий. Вот только с младых ногтей его завербовали в хунвэйбины — домашние не смели противиться, а когда увидели, до чего его испортили, то и вовсе перестали надеяться на лучшее, моля лишь о том, чтобы он не превратился в уличного хулигана.

Кто же знал, что он исправится!

В день родительского собрания семейство Цзи явилось в полном составе.

Правда, школа выделила им всего одно сидячее место, и его занял старейшина рода — дедушка Цзи Лаогэнь. Остальные родственники толпились у классной стенгазеты в конце аудитории, с сияющими лицами разглядывая имя Цзи Юна на четырнадцатой строчке.

Будь в эту эпоху смартфоны, родители наверняка принялись бы остервенело фотографировать список, чтобы выложить в соцсети. Но увы, таковых не имелось, поэтому им оставалось лишь тыкать пальцем в имя внука и хвастаться перед другими родителями:

— Это мой сын, четырнадцатое место в рейтинге. А ваш где?

Когда собрание началось, учитель особо похвалил ученика Цзи Юна за колоссальный рывок в учебе, и тщеславие старших членов семьи Цзи взлетело до небес — казалось, они готовы были вознестись прямо на небеса.

Все это Цзи Цзяньго пересказал Цзи Юаню.

Поскольку родительское собрание проводилось во всем поселке впервые, взрослые ужасно любопытствовали. Прочие праздные жители тоже сбежались посмотреть на диковинку, и у входа в каждый класс толпились зеваки. Цзи Цзяньго и Цзи Лаогэнь тоже ходили туда, причем Цзи Цзяньго ради такого дела даже отпросился с работы.

Услышав, как Цзи Юна хвалили на собрании, он страшно завидовал и сокрушался:

— Вот бы и в начальной школе Хунсин тоже устроили родительское собрание! Послушал бы я, как учителя хвалят нашего Юань-юаня.

Цзи Юань только вздохнул:

— Так пойди к дедушке, разве он не в управлении образования? Попроси его замолвить словечко перед начальной школой Хунсин, делов-то.

Цзи Цзяньго хлопнул себя по лбу:

— Точно! Как это мне в голову не пришло? Сейчас же напишу бате письмецо!

— Но я же всего в первом классе, даже если учительница захочет меня похвалить, хвалить-то особо и не за что...

Цзи Цзяньго уже не слушал его, с воодушевлением усевшись писать письмо.

Глава 23. Разные заботы

Родительское собрание в Средней школе «Красная Звезда» увенчалось грандиозным успехом, вызвав ответную волну ожиданий и у родителей младшеклассников. Не только Цзи Цзяньго, но и остальные взрослые заявляли, что тоже не прочь побывать на подобном мероприятии.

В те времена людям было нечем заняться — стоило затеять танец янко, как тут же собиралась огромная толпа зрителей, что уж говорить о мероприятии, касающемся детей.

Ректор Вэй был человеком консервативным, да и в прошлые годы его напугали до полусмерти. Хотя он прекрасно понимал пользу родительских собраний, но пока сверху не поступало четких указаний, он не смел предпринимать ничего самовольно. К счастью, всего через пару дней из управления образования пришло распоряжение: школам разрешалось по своему усмотрению проводить родительские собрания и открытые уроки, мол, решайте сами, устраивать или нет, но вот промежуточные экзамены теперь стали обязательными для всех учебных заведений.

Только получив официальное распоряжение, ректор Вэй отважился кивнуть. Ровно через неделю в начальной школе Хунсин прошли промежуточные экзамены и состоялось родительское собрание.

Наученные опытом Средней школы «Красная Звезда», к экзаменам в начальной школе отнеслись со всей возможной серьезностью. Ради позиций в рейтинге, сохранения лица и родительского тщеславия бедные младшеклассники погрузились в пучину бесконечных задач. В школе было еще куда ни шло — учеба есть учеба, экзамены есть экзамены, всё равно приходилось сидеть в классе целыми днями. А вот дома начался настоящий кошмар! Дети, прежде росшие сами по себе, словно трава в поле, внезапно на собственной шкуре прочувствовали все прелести будущей системы дополнительных занятий. На улицах больше не было видно резвящихся повсюду ребятишек — всех до единого заперли по домам грызть гранит науки!

Цзи Юань в этот момент был несказанно рад, что числится первокласником.

В семье Цзи, разумеется, относились к его успеваемости с исключительным вниманием. Ли Шулань, как преподаватель средней школы, вечерами даже собиралась лично подтягивать Цзи Юаня по учебе. Однако программа первого класса оказалась до смешного простой: во всей учебной программе не нашлось ни единого вопроса, с которым Цзи Юань не смог бы

справиться, так что в конце концов даже Ли Шулань растерялась, соображая, чему же еще его можно научить.

— Не переживайте, с успеваемостью Юань-юаня получить сто баллов на экзамене проще простого, — только и оставалось ей заявить мужу и свекру.

Цзи Цзяньго и Цзи Лаогэнь были безумно довольны.

Цзи Юань мысленно перекрестился: если бы он тогда вздумал перепрыгнуть сразу в пятый класс, сейчас его, пожалуй, уже давно закопали бы под горой тестовых заданий. В первом классе проверять было особо нечего, учителя задавали лишь пару упражнений, а вот пятиклашки сдавали тесты едва ли не ежедневно, и Цзи У едва не плакал, сокрушаемый тяжестью бесконечных проверочных работ. На фоне блестящих успехов старшего брата домашние возлагали на младшего огромные надежды, да и уговор у них уже был готов: представлять семью на этот раз пойдет отец. Опасаясь отцовских кулаков за плохие оценки, Цзи У в последнее время тоже послушно сидел взаперти за книгами.

За два дня до промежуточных экзаменов в начальной школе Хунсин произошло важное событие.

Пришел приказ о переводе дедушек с фермы.

С того самого момента, как Цзи Юань передал властям металлоискатель, процесс реабилитации пошел гораздо быстрее. Ферма в поселке Биньцзян привлекла к себе первоочередное внимание, а поскольку остававшиеся здесь старики были бывшими кадрами с богатым опытом на самых разных должностях, распределять их по новой не требовалось. Они уже подали заявления о переводе в установленном порядке, и наверху их тут же утвердили. И вот сегодня официальные бумаги наконец дошли до поселка Биньцзян.

Сам поселковый староста лично доставил документ о назначении.

<http://bllate.org/book/22417/2353566>